

— У сердца уже есть сердцебиение, зачем ещё что-то вырезать? — Бай Сяо смотрел на Чэн Юэ с хитрой улыбкой, — Любовь не для того, чтобы о ней говорить. Любовь — для того, чтобы её делать.

Чэн Юэ приподнял бровь:

— Эй...

Бай Сяо, глядя на его недовольное выражение лица, не мог сдержать смеха, взял его руку и надел деревянное кольцо на безымянный палец:

— ... Вот как.

Чэн Юэ замер, а затем услышал слова Бай Сяо:

— ... Но я всё равно не могу удержаться, что делать?

— Не можешь удержаться от чего?

— Не могу удержаться, чтобы не сказать тебе...

Бай Сяо сделал паузу, глядя в его глаза, его взгляд внезапно стал глубоким. Он перестал улыбаться, и Чэн Юэ почувствовал, что сейчас он предельно серьёзен.

— Я люблю тебя, — сказал он.

В сердце Чэн Юэ поднялась буря эмоций, в горле пересохло, он отвел взгляд и произнёс:

— Разве ты не сказал, что любовь не для слов...?

Бай Сяо шмыгнул носом, изображая обиду:

— Не могу сдержаться, ничего не поделаешь. Когда вижу тебя, особенно хочется выразить свои чувства. Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя...

Тут его рот закрыла ладонь Чэн Юэ, который закатил глаза:

— Хватит уже.

— Ха-ха-ха-ха... — Бай Сяо не смог сдержать смеха, затем сказал ему:

— А ты мне не наденешь?

Чэн Юэ взглянул на него, сдался, достал другое, большее кольцо, взял руку Бай Сяо, надел его и невольно сжал его руку, ощутив волну тепла.

— Спасибо, — сказал он.

Бай Сяо приподнял бровь:

— За что?

— ... Спасибо за то, что ты появился.

Чэн Юэ смотрел на их сплетённые руки, и его глаза постепенно наполнились слезами.

Бай Сяо пристально смотрел на него, в груди было и щемяще, и счастливо.

Он придвинулся ближе, обнял Чэн Юэ и тихо сказал:

— Деревянное кольцо, конечно, не такое прочное, как платиновое с бриллиантом... но его можно починить или заменить на новое. Если что-то случится — потёрлось, сломалось — я всё починю. Если надоеет — в любой момент могу сделать новое. Если любишь коллекционировать — могу каждый год делать пару. Ну как? Намного выгоднее бриллиантового, правда?

Чэн Юэ, который только что был глубоко тронут, теперь снова не мог сдержать улыбку:

— Если бы ты учил бедных парней, как обманывать девчонок, точно бы разбогател.

— Я не пойду. Разве господин Чэн тоже не попался в мои сети? Раз уж у меня есть такая золотая жила, как господин Чэн, к чему мне богатеть? Я хочу только дома есть, пить, греться на солнышке и заботиться о тебе и о Маленьком Саженце.

Чэн Юэ рассмеялся:

— ... Честолюбиво.

Они просто тихо обнимались ещё какое-то время, как вдруг Чэн Юэ вспомнил:

— Эй, а разве не было ещё одного маленького колечка?

Тут Бай Сяо наконец вспомнил, поспешно отпустил Чэн Юэ:

— А, забыл, забыл! Это для Маленького Саженца.

Он поспешно достал то крошечное колечко, наклонился, прилёг рядом с животом Чэн Юэ, положил на него одну руку и сказал:

— Саженец, это я, твой папа, для тебя сделал. Ну как? Красиво? Раз ты молчишь, буду считать, что тебе очень нравится...

И тут он почувствовал, как по ладони ударили ножкой.

Бай Сяо сглотнул слюну, поднял голову к Чэн Юэ:

— ... Это оно пошевелилось?

Чэн Юэ, глядя на его лицо, выражавшее «ничего себе», не смог сдержать смеха и кивнул.

Бай Сяо потрогал живот слева, потрогал справа, затем с некоторым напряжением приложился к нему ухом, чтобы послушать, но долгое время никакого движения не было.

— Похоже, больше не хочет шевелиться... — Кажется, только сейчас Бай Сяо сообразил. Он показал маленькое колечко Чэн Юэ с выражением полного недоверия на лице. — Так что тот пинок означал, что не нравится?

Чэн Юэ беспомощно развёл руками и пожал плечами.

— Хе-хе... Ещё совсем саженик, а уже смеешь сомневаться во вкусе своего отца? Плевать... Главное, что твоему папе нравится.

Сказав это, Бай Сяо самодовольно кивнул.

И тут по ладони снова ударили ножкой.

Бай Сяо поднял голову и посмотрел на Чэн Юэ с обиженным видом:

— Оно меня обижает.

Чэн Юэ потрепал его коротко стриженные волосы и вздохнул:

— Кто же тебя забыл? Оно просто выражает своё недовольство.

Бай Сяо выпрямился, шмыгнул носом, взял руку Чэн Юэ, погладил кольцо на его пальце и сказал:

— Ладно, раз мы уже отметились, может, сыграем для Маленького Саженца Моцарта?

— ... Ты ещё и на пианино умеешь?

Бай Сяо подвигал бровями:

— А то.

Чэн Юэ смотрел на него, чувствуя некоторое изумление.

— Мне кажется... это выходит за рамки. Ты не должен уметь.

— Нет, умею, — улыбнулся Бай Сяо. — Называй меня «Всесторонний Сяо».

Чэн Юэ закатил глаза:

— Хоть немного совести...

— Ха-ха-ха! — Бай Сяо, смеясь, поднял Чэн Юэ со стула. — Совесть на пианино не сыграет, зачем она? Пошли, сыграю тебе...

У Бай Сяо ещё не прошла разница во времени, и на следующее утро он, полный энергии, побежал во двор делать комплекс тайцзицюань.

Потом, когда тётя Мэй встала, они вместе пошли поливать цветы и растения.

В Лос-Анджелесе зима не очень холодная, но дождливая. Растения во дворе сейчас все находились в специально построенной теплице. В хорошую погоду открывали верх теплицы, чтобы они получали солнечный свет.

В теплице было много суккулентов, разноцветных и милых. С последнего полива прошло уже больше месяца. Бай Сяо, держа лейку, по указаниям тёти Мэй тщательно полил землю в каждом горшке.

— С твоим приездом чувствуется, что атмосфера в доме стала намного легче. А Юэ хотя и не говорит, но очень ждал тебя, я это видела.

Бай Сяо, выслушав её, перебирая листик эхеверии «Белая луна», улыбнулся:

— Я отложил все последующие работы и буду всё время здесь, с ним.

Тётя Мэй, поливая цветы, сказала:

— Когда тебя не было, он всё равно плохо спал, но лучше, чем раньше.

Сказав это, она взглянула в сторону второго этажа и добавила:

— Давно он так поздно не вставал, иногда просыпался раньше меня.

Бай Сяо, глядя на полный цветами двор и яркое утреннее солнце, потянулся:

— Ему действительно нужно больше отдыхать. Подожду, когда проснётся, и пойду с ним прогуляюсь.

— Эх... — При этих словах тётя Мэй вздохнула. — Он уже давно здесь, я тоже уговаривала его выходить, но он не хочет. Максимум — походит по двору. Надо тебе что-то придумать.

Бай Сяо на мгновение замер, подумав о возможных зажимах в душе Чэн Юэ, и серьёзно кивнул.

Внезапно ему кое-что пришло в голову, и он придвинулся к тёте Мэй:

— Тётя Мэй, вы так долго в семье Чэн, вы знаете, что с его родителями?

Тётя Мэй посмотрела на него:

— О чём ты спрашиваешь?

— ... Я только знаю, что отношения его родителей сейчас очень плохи, но... раньше ведь, наверное, тоже было хорошо?

Тётя Мэй вздохнула:

— Эх... Да, когда они только поженились, никто и подумать не мог, что сейчас всё будет так. Когда Чэн Юэ был маленьким, они очень хорошо относились друг к другу.

— А что потом? Как дошло до нынешнего состояния?

— Ох... — Как только речь заходила об этом, тётя Мэй не могла сдержать вздоха.

— Я пришла в семью Чэн работать няней вскоре после их свадьбы, тогда Чэн Юэ ещё не родился, да и я ещё не была замужем. Когда я только пришла в семью Чэн, подумала: хозяйка этого дома — просто те самые «небесные возлюбленные», о которых говорят!

— Отец А Юэ был очень романтичным и способным, а его мать и так была из богатой семьи. Жили они в большом особняке, господин часто, возвращаясь домой, приносил жене букет цветов, по выходным они ходили на свидания, как молодые влюблённые. Каждый день после свадьбы был как медовый месяц. Я тогда думала, что этим двоим действительно можно позавидовать.

— Должно быть, меньше чем через год после свадьбы жена забеременела. В это время компания господина как раз набирала обороты, домой он стал приходить реже, но всё равно старался выкроить время, чтобы быть с женой, чтобы она не чувствовала себя одинокой. Когда родился А Юэ, отношения у них тоже были очень хорошие, в детстве А Юэ очень любили.

— Но жена была довольно избалованной, родила ребёнка, но почти сама им не занималась, всё на меня переложила. Хотя дедушка А Юэ по материнской линии очень его любил, когда господин и госпожа были заняты, он часто брал его к себе. Но он рано умер, А Юэ до сих пор каждый год ходит на его могилу.

Бай Сяо вдруг что-то вспомнил и спросил тётю Мэй:

— А тот его замок долголетия...

<http://bllate.org/book/15597/1390913>